

Г. В. Плехановъ и этика рабочаго класса.

Г. В. Плехановъ былъ не только блеотящимъ толкователемъ великихъ идей К.-Маркса, но онъ былъ и его достойнымъ продолжателемъ. Эту задачу онъ ставилъ еще въ первый періодъ своей писательской дѣятельности въ книгѣ „Соціализмъ и политическая борьба“.

„Само собой разумѣется,—говоритъ онъ тамъ,—что развитие научнаго соціализма еще не закончено и такъ же мало можетъ остановиться на трудахъ Энгельса и Маркса, какъ теорія происхожденія видовъ могла считаться окончательной выработанной съ выходомъ въ свѣтъ главныхъ сочиненій англійскаго біолога. За установленіемъ основныхъ положеній новаго ученія должна послѣдовать детальная разработка относящихся къ нему вопросовъ, разработка, дополняющая и завершающая переворотъ, совершенный въ наукѣ авторами „Коммунистическаго Манифеста“ (Соц. и полит. борьба“, стр. 31, изд. „Огни“).

И Г. В. Плехановъ не только поставилъ эту задачу, но и въ значительной степени ее выполнилъ.

Въ настоящей статьѣ мы изъ всего богатаго наслѣдія, оставленнаго Г. В. Плехановымъ—возьмемъ одинъ вопросъ, приобрѣтающій въ обстановкѣ современнаго момента весьма жгучій интересъ и посмотримъ, какъ разрѣшалъ его Г. В. Плехановъ.

Это—вопросъ объ этикѣ рабочаго класса.

Когда въ девяностыхъ годахъ Г. В. Плеханову приходилось отстаивать свои взгляды отъ натиска представителей стараго народничества, то ему прежде всего пришлось настойчиво отбиваться отъ обвиненія въ примиреніи „съ гнусной россійской дѣйствительностью“.

Поэтому онъ особенно рѣзко подчеркиваетъ въ „Монистическомъ взглядѣ“, что „если говорить въ смыслѣ идеаловъ“, то надо сказать, что теорія Маркса есть самая идеалистическая теорія, которая когда либо существовала въ исторіи человѣческой мысли“ (курсивъ Г. В. Плеханова).

Царство будущаго, царство подлиннаго соціализма, мыслилось Г. В. Плехановымъ не въ видѣ довольныхъ хрюкающихъ свиней, а въ видѣ людей нравственно преобразенныхъ. Экономика для него средство для духовнаго подъема рабочихъ массъ. Еще въ „Задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ“ Г. В. Плехановъ настойчиво подчеркиваетъ „идеальный моментъ“ въ рабочемъ движеніи. Соціальныя реформы потому важны, что они „содѣйствуя развитію сознанія рабочихъ, въ тоже время содѣйствуютъ улучшенію ихъ матеріальнаго положенія, выплескиваютъ хоть нѣсколько капель изъ переполненной чаши ихъ страданій“.

К. Марксъ говорилъ, что, измѣняя окружающую среду, рабочій классъ измѣняетъ свою собственную природу. Г. В. Плехановъ, желая еще опредѣленнѣе подчеркнуть дѣйственную природу рабочей морали, ставитъ ее въ опредѣленную зависимость отъ тѣхъ усилій, которые прилагаетъ рабочій классъ въ своей борьбѣ.

И какъ ярко и возвышенно Г. В. Плехановъ формулируетъ это свое положеніе. Припоминая извѣстое разсужденіе Лессинга о Богѣ, полной истинѣ, Г. В. Плехановъ предположительно говоритъ о Творцѣ, пожелавшемъ дать человѣчеству экономическое блаженство безъ борьбы:

„Творецъ, оставь блаженство себѣ, а страдающему и мыслящему человѣчеству, современному пролетаріату, позволь освободиться собственными силами, дай ему возможность придти къ доступному для него счастью путемъ борьбы, развивающей его умъ и возвышающей его нравственность. Завоеванное такой борьбой, его счастье будетъ не только несравненно полнѣе: оно будетъ также гораздо прочнѣе“.

Теперь эти слова Г. В. Плеханова въ особенности умѣстно вспомнить, ибо октябрьскій „коммунизмъ“ преподнесенъ рабочему классу безъ всякихъ усилій съ его стороны—на штыкахъ своекорыстной солдатчины. Поэтому реквизиціонный „коммунизмъ“ и привелъ къ обратному результату—къ невѣроятному моральному разложенію среди рабочихъ сторонниковъ совѣтской власти.

Г. В. Плехановъ вполнѣ основательно боялся этого самодавлѣющаго начала матеріальныхъ благъ. Ибо ему, человѣку исключительныхъ знаній, была отчетливо ясна роль большихъ и малыхъ бонапартиковъ-узурпаторовъ власти. Для этихъ узурпаторовъ усыпленіе сознанія рабочихъ массъ—важная и неотъемлемая въ ихъ положеніи задача. „Идеаль хорошо откормленнаго рабочаго скота—это идеаль деспотовъ“, какъ совершенно правильно замѣчаетъ Г. В. Плехановъ въ тѣхъ же „Задачахъ русскихъ социалистовъ“.

Правительство, признающее рабочую самодѣятельность только до извѣстныхъ предѣловъ—пока рабочей признаетъ существующую власть и не представляетъ изъ себя инакомыслящаго, — такое правительство въ извѣстномъ смыслѣ даже вреднѣе голаго неприкрытаго самодержавія.

Таково мнѣніе Г. В. Плеханова. Предвидя на всякій случай, возможность и такой власти, Г. В. Плехановъ еще въ 80-хъ годахъ, въ письмѣ къ петербургскимъ рабочимъ, напечатанномъ въ журн. „Рабочій“, говоритъ:

„И если бы нашлось такое правительство, которое захотѣло бы и могло бы,—не давая вамъ политическихъ правъ,—обезпечить ваше матеріальное положеніе, то вы все таки были бы не болѣе, какъ сытыми рабами, хорошо откормленнымъ рабочимъ скотомъ. Ваше умственное развитіе, ваше нравственное достоинство пострадало бы отъ этого даже болѣе, чѣмъ теперь, когда правительственный гнетъ толкаетъ васъ на борьбу и наполняетъ негодованіемъ ваши сердца“.

„Сверхъчеловѣки“, правящіе страной, желали бы пользоваться стихіей рабочаго класса, какъ стихійной силой водопада. И когда рабочіе начинаютъ проникаться скорбнымъ сознаніемъ всего содѣяннаго, тогда они приходятъ въ бѣшенство и начинаютъ съ новымъ азартомъ поддерживать и разогрѣвать голую ненависть къ „буржуямъ“,—ненависть, не озаренную никакимъ идеаломъ.

Они забыли, или просто не хотятъ знать, что Г. В. Плехановъ еще въ „Соціализмъ и политической борьбѣ“ въ своей пиломикѣ съ народовольцами говорилъ: „Ненависть къ привилегированнымъ сословіямъ еще ровно ничего не доказываетъ: она не сопровождается часто ни однимъ лучомъ сознанія“. И какими глубоко-вѣрными кажутся эти слова Г. В. Плеханова теперь—при свѣтѣ событій русской февральской революціи.

Пролетарій, наивно полагающій, что достаточно „выпустить кишки изъ буржуевъ“ и отобрать у нихъ деньги, дабы создать социалистическій рай, введенъ просто въ заблужденіе нашими социалистическими поприщинами. Это заблужденіе не сегодняшняго дня: російскіе „коммунисты“ повторяютъ ту же ошибку, которая была свойственна бунтарямъ эпохи 70-хъ годовъ. Вотъ почему старая книжка Г. В. Плеханова „Соціализмъ и политическая борьба“ пріобрѣтаетъ сейчасъ такую цѣнность. Ибо еще въ ней Г. В. Плехановъ говорилъ, что руководящую роль буржуазіи въ эпоху великой французской революціи создали „не деньги, а неразвитое состояніе рабочаго класса“.

Російскій „коммунизмъ“, построенный на голой ненависти и реквизиціи, фатально долженъ былъ привести къ моральному паденію многихъ большихъ и

вѣкъ массы, утрачивая старыя патріархальныя представленія о морали, пріобрѣтаетъ не мораль передового класса, а хищническую мораль, свовкорыстныхъ интересовъ группъ и даже отдѣльнаго человѣка.

Въ результатѣ человѣкъ лишается, какъ сказалъ бы Г. В. Плехановъ, „всякаго нравственнаго мѣрила“.

Такой возможный уклонъ морали съ сторону не классовой борьбы, а личнаго захвата Г. В. Плеханову удалось подмѣтить еще въ 70-къ годахъ, о чемъ онъ и рассказалъ такъ интересно въ своей книжкѣ „Русскій рабочій въ революціонромъ движеніи“.

Тамъ онъ говоритъ объ одномъ рабочемъ, котораго товарищи прозвали „Бѣсомъ“ и который изъ социалистической проповѣди сдѣлалъ тотъ выводъ, что у „буржуевъ“ можно красть. „Все равно у насъ же накрали“,— говорилъ онъ. Такъ еще задолго до теоретика аракчеевскаго „коммунизма“ съ его возгласомъ „грабь награбленное“ былъ формулированъ лозунгъ „кради накраденное“.

Г. В. Плехановъ скоро упустилъ изъ виду рабочаго „Бѣса“, но онъ съ вѣрой въ торжество высшей морали рабочаго класса, говоритъ, что моральный кризисъ въ душѣ этого рабочаго, долженъ былъ перейти въ „нравственный переломъ“, ибо его подвиги вызвали негодованіе среди окружавшихъ его рабочихъ революціонеровъ.

Теперь представьте себѣ этого рабочаго „Бѣса“ въ обстановкѣ „коммунистическаго“ царствія, среди растлѣвающихъ условій нашего бытія. Онъ обратился бы въ какого-нибудь Сухоносова—бывшаго рабочаго одного изъ петроградскихъ заводовъ. Будучи начальникомъ отряда броневиковъ въ 300 чел. этотъ Сухоносовъ называлъ свой отрядъ „смерть буржуямъ“. Въѣхавъ въ гор. Орель онъ наложилъ сперва папиросную контрибуцію—по 100 папиросъ съ буржуя, а затѣмъ вкупѣ съ товарищами перешелъ къ экспроприаціи даже дамскихъ ботинокъ и чулокъ, пока ихъ не прогналъ вернувшійся съ фронта пѣхотный полкъ. Такими фактами моральнаго паденія, какъ извѣстно, пестритъ наша текущая жизнь. Культъ голой ненависти въ связи съ поощреніемъ реквизиціоннаго „коммунизма“ приводитъ къ жестокости и разжиганію самыхъ хищническихъ инстинктовъ. А между тѣмъ Г. В. Плехановъ мечталъ не объ укрѣпленіи этого позорнаго „стана ликующихъ“, а о разрушеніи его.

И всю силу своего великаго таланта онъ положилъ на то, чтобы выявить передъ своими послѣдователями духъ великаго идеала, проникающаго ученіе К. Маркса.

Борьба классовъ—есть борьба за свои экономическіе интересы. Но это борьба предполагаетъ не только разрушеніе, но и созиданіе. Станъ ненавистниковъ „лютой подлости“ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и станъ „погибающихъ за великое дѣло любви“. Эту мысль Г. В. Плехановъ въ своемъ „Монистическомъ взглядѣ“ пронесъ черезъ цензурные тиски стараго режима.

И эту же мысль о необходимости великаго жертвеннаго порыва, онъ развиваетъ въ цѣломъ рядѣ своихъ писаній.

Въ статьѣ о Гольбахѣ („Научное Обзорѣніе“, 1897 г.), Г. В. Плехановъ сжато и ясно формулируетъ эту мысль.

„Нравственное развитіе человѣчества,—говоритъ онъ,— слѣдуетъ шагъ за шагомъ за экономической необходимостью и приспосабливается къ реальнымъ требованіямъ общества. Когда рѣчь идетъ о „добродѣтельныхъ“ поступкахъ, то предписаніе исходитъ отъ интереса цѣлаго, т. е. общества. Діалектика историческаго движенія превращаетъ эгоистическіе интересы общества или классовъ въ общественныя, героизмъ въ доброту. Тайна этого превращенія

заключается въ дѣйствіи социальной среды". Этими своими глубокими мыслями Г. В. Плехановъ подводилъ теоретическій фундаментъ подъ практику истинно-пролетарской борьбы, онъ разрѣшалъ вопросъ объ этикѣ рабочаго класса.

„Героизмъ особи“ предполагаетъ готовность къ самопожертвованію. И чтобы не оставалось никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ, Г. В. Плехановъ въ блестящей, полной глубокаго интереса статьѣ „О роли личности въ исторіи“ (1898 г.) вновь утверждаетъ величіе чело-вѣческаго подвига.

„Не для однихъ только „начинателей“, не для однихъ „великихъ“ людей открыто широкое поле дѣйствія, говоритъ Г. В. Плехановъ. Оно открыто для всѣхъ, имѣющихъ очи, чтобы видѣть, уши, чтобы слышать, и сердце, чтобы любить своихъ ближнихъ. Понятіе великій есть понятіе относительное. Въ нравственномъ смыслѣ великъ каждый, кто по евангельскому выраженію „полагаетъ душу свою за други своя“.

Наконецъ, въ своей книгѣ о Н. Г. Чернышевскомъ вопросъ объ этикѣ рабочаго класса онъ разрѣшаетъ въ томъ же направленіи, но еще болѣе выпукло, ярко и опредѣленно.

Какъ извѣстно просвѣтителю-шестидесятнику построили свое понятіе о нравственности на теоріи все-сторонняго эгоизма. Мы не станемъ разбирать здѣсь этой теоріи, отсылая интересующихся къ роману Чернышевскаго „Что дѣлать“ и нѣкоторымъ статьямъ Добролюбова, насъ интересуеъ взглядъ Г. В. Плеханова на построеніе этики рабочаго класса.

Г. В. Плехановъ конечно понимаетъ, что классовый интересъ—это есть „эгоизмъ цѣлаго“. Но этотъ эгоизмъ цѣлаго,—говоритъ онъ.

„Онъ не исключаетъ альтруизма отдѣльнаго лица, индивидуальнаго альтруизма (курс. Плеханова). Напротивъ онъ является его источникомъ: общество стремится воспитать своихъ отдѣльныхъ членовъ такъ, чтобы они ставили общественный интересъ выше своего частнаго; чѣмъ больше поступки данной личности будутъ удовлетворять (курс. Плеханова) этому требованію общества, тѣмъ самоотверженнѣе, нравственнѣе, альтруистичнѣе будетъ эта личность. А чѣмъ болѣе ея поступки будутъ нарушать это требованіе тѣмъ болѣе своекорыстной, безнравственной, эгоистичной она окажется“ (Г. В. Плехановъ. Чернышевскій, стр. 113).

И развитіе въ рабочемъ классѣ этихъ альтруистическихъ чувствъ вовсе не такая простая вещь, какъ это принято думать. Здѣсь передъ нами огромная воспитательная задача. Въ годы жесточайшей реакціи шкурническіе инстинкты проникаютъ не только среду интеллигентовъ, преображающихся изъ социалистовъ въ искателей теплыхъ мѣстъ,—эти личныя, или групповыя настроенія охватываютъ, къ сожалѣнію, и среду рабочихъ. Ибо разница оплаты труда создаетъ, среди рабочаго класса, неизбѣжныя въ капиталистическомъ строѣ привиллегіи отдѣльныхъ группъ. При чемъ эти преимущества могутъ создать изъ рабочаго борца, склоннаго къ великому жертвенному порыву, но могутъ сдѣлать изъ него и „хорошо откормленнаго рабочаго скота“, плюющаго на обще рабочую солидарность. Все зависитъ отъ цѣлаго ряда обстоятельствъ.

Передовые отряды рабочаго класса во времена царскаго режима дали примѣры того и другого,—примѣры успокоенія на лонѣ личнаго благополучія и многочисленныя примѣры изумительной преданности общерабочимъ идеаламъ.

Но тоже и въ Западной Европѣ. Въ тяжелые моменты исторіи рабочаго движенія, жизнь требуетъ отъ передоваго рабочаго напряженія всѣхъ его накопленныхъ духовныхъ силъ. Эпоха закона противъ социалистовъ въ Германіи знала также моменты упадка и подъема

въ рабочей средѣ. Останавливаясь на этомъ періодѣ, какъ моментъ колебаній въ движеніи массъ, Мерингъ говоритъ объ „упадкѣ духа“, который въ значительной, степени „усиливался чувствомъ полнѣйшаго безправія а затѣмъ сюда прибавились все еще непрекращающаяся нужда, увольненія и преслѣдованія. Не всѣ вожди, стойко державшіеся до сихъ поръ, обладали достаточными силами, чтобы справиться съ новымъ и труднымъ положеніемъ“ (Мерингъ, г. IV, стр. 168).

Чувство альтруизма, которое должно охватывать рабочаго въ борьбѣ за интересы цѣлаго,—оно только тогда пріобрѣтаетъ глубоко моральный характеръ, когда оно выявляется въ видѣ беззавѣтной потребности дѣйствовать въ опредѣленномъ направленіи—борьбы за благо всѣхъ угнетенныхъ. А для воспитанія въ себѣ такихъ общественныхъ инстинктовъ, человѣку нужна соотвѣтствующая социальная среда.

„Воспитаніе человѣка“ въ духѣ нравственности,—говоритъ Г. В. Плехановъ,—состоитъ именно въ томъ, что поступки, полезные обществу; становятся для него инстинктивной потребностью („категорическій имперетивъ“ Канто). И чѣмъ сильнѣе эта потребность, тѣмъ нравственнѣе отдѣльное лицо. Героями называются такіе люди, которые не могутъ не повиноваться этой своей потребности даже тогда, когда ея удовлетвореніе рѣшительно идетъ въ разрѣзъ съ ихъ самыми существенными интересами, грозя имъ, на примѣръ, смертью“ (Г. В. Плехановъ. Чернышевскій. стр. 114).

Таковъ великій завѣтъ, оставленный намъ Г. В. Плехановымъ. И его глубокое вниманіе къ теоретическому обоснованію этики рабочаго класса, шло рука объ руку съ практическими задачами нашего времени.

Въ своемъ, уже цитированномъ нами письмѣ къ рабочимъ (1885 г.) онъ говоритъ о великихъ обязанностяхъ болѣе передовыхъ представителей рабочаго класса. Обращаясь къ этимъ мыслящимъ рабочимъ, Г. В. Плехановъ говоритъ: „Болѣе развитые рабочіе должны помнить, что на нихъ лежитъ огромный долгъ по отношенію къ ихъ болѣе темнымъ братьямъ“.

Великій продолжатель дѣла Маркса и Энгельса, Г. В. Плехановъ прошелъ черезъ суровую школу жизни революціонеровъ-семидесятниковъ.

Выйдя изъ этого стана погибающихъ за великое дѣло любви, онъ до конца жизни сохранилъ дѣйствительный идеализмъ борца, ненавидящаго подлость и насиліе во всѣхъ его разновидностяхъ.

Но сердце социалиста-мыслителя не только умѣло ненавидѣть, но и не уставало любить. Это и помогло Г. В. Плеханову углубить великое ученіе К. Маркса,—помогло такъ прекрасно разрѣшить вопросъ объ этикѣ рабочаго класса.

Онъ начерталъ для передовыхъ рабочихъ такой свѣтлый, такой возвышенный идеалъ жизни, ради котораго стоитъ страдать, бороться и жить при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ нашей жизни.

Ив. Кубиковъ.